

ЭКОНОМИКА / ECONOMICS

УДК 364.4:351.84(575.2)

Развитие системы социальных услуг в Кыргызской Республике: вызовы и пути оптимизации

Ташболотова Салтанат Абдыракмановна

к.и.н., доцент, Ошский государственный университет, Кыргызстан, stashbolotova@oshsu.kg

Муратбекова Айбийке Муратбековна

магистрант, Ошский государственный университет, Кыргызстан, keykafashion2103@gmail.com

Мамирова Севара Муктаровна

студент, Ошский государственный университет, Кыргызстан, sevara.mamirova@icloud.com

Аннотация

В статье рассматривается развитие системы социальных услуг в Кыргызской Республике, их современное состояние, институциональные ограничения и направления оптимизации. Актуальность исследования связана с тем, что при наличии закона, государственных программ, электронных сервисов и роста бюджетных расходов сохраняются территориальные, кадровые и организационные дисбалансы. Цель статьи состоит в оценке ключевых проблем системы социальных услуг и определении практических мер по их совершенствованию. Методологическую основу составили анализ нормативных актов, официальной статистики, программных документов и материалов государственных органов. В результате установлено, что спрос на социальные услуги имеет массовый характер, а сервисная инфраструктура развивается неравномерно. Обоснована необходимость единого цифрового реестра потребностей, укрепления районной координации, устойчивого финансирования и развития общинных, семейно-ориентированных и надомных форм помощи.

Ключевые слова: социальные услуги, социальная защита, местное самоуправление, цифровизация, уязвимые группы, Кыргызская Республика

Для цитирования: Ташболотова С.А., Муратбекова А.М., Мамирова С.М. (2026). Развитие системы социальных услуг в Кыргызской Республике: вызовы и пути оптимизации. *Открытый журнал евразийских исследований*, №4, сс. 173-185. doi: 10.65469/eijournal.2026.4.20

Введение

В Кыргызской Республике социальное обслуживание законодательно понимается как деятельность социальных служб по оказанию социально-правовых услуг, материальной помощи, проведению социальной адаптации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации [1]. Нормативную основу этой сферы дополняют государственные программы поддержки семьи, защиты детей и обеспечения доступной среды для лиц с инвалидностью. В практическом плане социальные услуги становятся не только частью

© The Author(s) 2026.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

социальной защиты, но и самостоятельным направлением государственного и муниципального управления [16].

Актуальность исследования определяется тем, что система социальных услуг продолжает испытывать давление со стороны демографических, территориальных и социальных факторов. На начало 2024 года в стране проживало 7,2 млн человек, численность детей до 18 лет составляла 2,692 млн человек, а уровень бедности в 2024 году достигал 25,7%. За чертой бедности находились 1,871 млн человек, в том числе значительная часть сельского населения и детей. На 1 января 2024 года более 217 тыс. лиц с ограниченными возможностями здоровья получали пенсии и пособия по инвалидности [2-6].

Институционально система закреплена за Министерством труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики. На официальных ресурсах ведомства представлены электронные услуги, портал социальных услуг, реестр реабилитационных услуг, базы данных организаций и сведения о получателях поддержки [7-11]. Однако наличие нормативной и цифровой инфраструктуры не снимает проблему территориального неравенства, неполного учета потребностей, кадрового дефицита и недостаточной устойчивости части услуг.

Цель статьи состоит в анализе современного состояния системы социальных услуг в Кыргызской Республике, выявлении основных вызовов ее развития и обосновании путей оптимизации. Для достижения цели поставлены следующие задачи: рассмотреть нормативную и институциональную основу системы социальных услуг; проанализировать социально-демографические, бюджетные и организационные показатели; определить ключевые ограничения доступности услуг; предложить направления совершенствования с учетом районного и муниципального уровней управления.

Научная и практическая значимость темы связана с необходимостью перехода от преимущественно компенсационной модели социальной защиты к модели раннего выявления социальных рисков, межведомственного сопровождения случая и территориально доступных услуг. Такой подход особенно важен для сельских и приграничных районов, где социальная уязвимость населения сочетается с ограниченной инфраструктурой социальных сервисов.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы анализа. В работе использованы системный подход, сравнительный анализ, нормативно-правовой анализ, статистический анализ, метод обобщения официальных данных и элементы институционального анализа. Системный подход позволил рассмотреть социальные услуги как совокупность правовых норм, государственных органов, финансовых ресурсов, цифровых сервисов, поставщиков услуг и получателей поддержки.

Эмпирической базой статьи выступили Закон Кыргызской Республики «Об основах социального обслуживания населения в Кыргызской Республике», официальные статистические материалы Национального статистического комитета Кыргызской Республики, данные Министерства труда, социального обеспечения и миграции КР, материалы портала открытых данных, Национальная программа развития Кыргызской

Республики до 2030 года, сообщения государственных органов, а также сведения о муниципальных услугах Кадамжайского района [1-15].

В качестве количественных показателей рассмотрены численность населения, численность детей, уровень бедности, численность бедного населения, показатели детской бедности, число лиц с инвалидностью, количество получателей государственных пособий, численность социальных работников, охват надомным обслуживанием и объемы бюджетных расходов. Качественный анализ был направлен на выявление управленческих ограничений: территориальной недоступности, слабой координации, проектной нестабильности услуг, фрагментарной цифровизации и недостаточной связи между пособиями и сервисной поддержкой.

Результаты

Современное состояние системы социальных услуг в Кыргызской Республике.

Развитие системы социальных услуг следует рассматривать в контексте общей демографической и социальной нагрузки на государство. На начало 2024 года численность постоянного населения страны составляла 7,2 млн человек. Одновременно в республике проживало 2,692 млн детей в возрасте до 18 лет, а в 2024 году за чертой бедности находились 1,871 млн человек, или 25,7% населения. При этом 61,9-62,0% бедного населения проживали в сельской местности, а бедность среди детей 0-17 лет достигала 33,1%, что в абсолютном выражении составляло 954,5 тыс. детей. Эти показатели показывают, что спрос на социальные услуги в Кыргызстане имеет не точечный, а массовый и структурный характер [2-5].

С точки зрения институционального регулирования, система социальных услуг опирается на Закон Кыргызской Республики «Об основах социального обслуживания населения в Кыргызской Республике». Организационным ядром выступает Министерство труда, социального обеспечения и миграции КР, в структуре которого предусмотрены профильные подразделения, подведомственные учреждения, портал социальных услуг, электронные сервисы, реестр реабилитационных услуг и базы данных организаций, работающих в секторе социальных услуг [1; 7-11].

Таблица 1. Базовые социально-демографические показатели, формирующие спрос на социальные услуги

Показатель	Значение
Численность населения на начало 2024 г.	7,2 млн чел.
Численность детей до 18 лет на начало 2024 г.	2,692 млн чел.
Уровень бедности в 2024 г.	25,7%
Численность бедного населения в 2024 г.	1,871 млн чел.
Доля бедного населения, проживающего в сельской местности	61,9-62,0%
Детская бедность (0-17 лет) в 2024 г.	33,1%
Численность бедных детей в 2024 г.	954,5 тыс. чел.

Источник: составлено автором по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики [2-5].

Представленные данные позволяют утверждать, что ключевой особенностью кыргызстанской модели социальных услуг является сочетание высокой демографической нагрузки с устойчивой социальной уязвимостью значительной части домохозяйств.

Социальные услуги в стране объективно не могут ограничиваться исключительно обслуживанием узких категорий населения. Они должны строиться как разветвленная и территориально чувствительная система сопровождения семей, детей, пожилых граждан, лиц с инвалидностью и малообеспеченных домохозяйств.

Для темы, связанной с практикой на районном уровне, принципиально важно показать региональную неоднородность бедности. Несмотря на снижение общереспубликанского уровня бедности в 2024 году до 25,7%, Баткенская область сохраняла существенно более тяжелую ситуацию: 44,0% населения региона находились за чертой бедности. Следовательно, Баткенская область в целом и Кадамжайский район в частности представляют собой территорию повышенного спроса на социальные услуги, особенно на услуги, приближенные к месту проживания граждан [3; 5].

Таблица 2. Динамика уровня бедности в Кыргызской Республике и Баткенской области, 2020-2024 гг., %

Год	Кыргызская Республика	Баткенская область	Отклонение Баткенской области от республиканского уровня, п.п.
2020	25,3	34,7	9,4
2021	33,3	40,7	7,4
2022	33,2	48,5	15,3
2023	29,8	48,1	18,3
2024	25,7	44,0	18,3

Источник: составлено автором по официальным данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики [5].

Анализ динамики показывает, что, хотя в 2024 году наблюдалось общее снижение бедности по стране, пространственный разрыв между среднереспубликанскими и баткенскими показателями остался чрезвычайно высоким. В 2024 году разница составила 18,3 процентного пункта. Поэтому социальная политика в приграничных и сельских районах не может строиться по усредненной модели. Для таких территорий необходимы специальные механизмы: выездные социальные команды, дневные центры, расширенное обслуживание на дому, межведомственное сопровождение кризисных семей, а также районная координация социальных случаев.

Система социальной защиты Кыргызстана по-прежнему в значительной степени опирается на денежные выплаты. Однако официальная статистика показывает, что масштаб уязвимых групп требует расширения именно сервисной составляющей. На конец 2024 года численность получателей государственных пособий достигла 329,4 тыс. человек. Из них ежемесячное пособие малообеспеченным семьям, имеющим детей, получали 61,8 тыс. семей, или 218,3 тыс. человек, а социальные пособия - 110,8 тыс. человек. Средний размер ежемесячного пособия малообеспеченным семьям составил 1 400,6 сома, а средний размер социального пособия - 6 324,5 сома [2].

Особое значение для системы социальных услуг имеют данные по инвалидности. На 1 января 2024 года в Кыргызской Республике насчитывалось 217 222 лица с ограниченными возможностями здоровья, получающих пенсии и пособия по инвалидности, или около 3% общей численности населения. Из них 37 494 составляли дети с инвалидностью в возрасте до 18 лет. В Баткенской области численность лиц с ограниченными возможностями здоровья,

получающих пенсии и пособия, составляла 22 350 человек. Эти цифры указывают на необходимость развития не только денежной поддержки, но и сети реабилитационных, консультативных, надомных и полустационарных услуг [6].

Таблица 3. Ключевые показатели социальной поддержки и инвалидности

Показатель	Значение
Получатели государственных пособий на конец 2024 г.	329,4 тыс. чел.
Получатели ЕПМС семьям с детьми	61,8 тыс. семей / 218,3 тыс. чел.
Получатели социальных пособий	110,8 тыс. чел.
Средний размер ЕПМС	1 400,6 сома
Средний размер социального пособия	6 324,5 сома
Лица с инвалидностью, получающие пенсии и пособия (на 1.01.2024)	217 222 чел.
Дети с инвалидностью	37 494 чел.
Баткенская область: лица с инвалидностью, получающие пенсии и пособия	22 350 чел.

Источник: составлено автором по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики [2; 6].

Эти показатели демонстрируют важный структурный дисбаланс: денежная помощь в системе социальной защиты институционально развита лучше, чем сама сеть социальных услуг. Следовательно, государственная политика нуждается в переходе от модели, в которой пособие выступает главным инструментом реагирования, к модели, где пособие сочетается с социальным сопровождением, консультированием, реабилитацией, услугами на дому и программами профилактики семейного неблагополучия.

Состояние системы социальных услуг невозможно адекватно оценить без анализа детского компонента. На конец 2023 года в Кыргызской Республике на воспитании в семьях находились 14,4 тыс. детей, оставшихся без попечения родителей, из них 4,5 тыс. были круглыми сиротами. В структуре семейных форм устройства 10,3 тыс. детей находились под опекой и попечительством, а 3,9 тыс. были усыновлены или удочерены. В течение 2023 года было выявлено 3,4 тыс. детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, из которых 668 были круглыми сиротами. Одновременно в детских домах и школах-интернатах для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2023 году находилось 1,3 тыс. детей [4].

Таблица 4. Показатели детской уязвимости и семейного устройства

Показатель	Значение
Дети, находившиеся на воспитании в семьях на конец 2023 г.	14,4 тыс.
Круглые сироты среди них	4,5 тыс.
Дети под опекой и попечительством	10,3 тыс.
Усыновленные/удочеренные дети	3,9 тыс.
Выявлено детей без попечения родителей в течение 2023 г.	3,4 тыс.
Круглые сироты среди вновь выявленных	668 чел.
Дети в детских домах и школах-интернатах в 2023 г.	1,3 тыс.

Источник: составлено автором по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики [4].

Эти сведения подтверждают, что развитие социальных услуг должно идти по линии укрепления семейно-ориентированной модели: сопровождения опекунских семей, профилактики социального сиротства, раннего выявления семейного кризиса, усиления

межведомственной работы школы, здравоохранения и органов социальной защиты. Для государственного и муниципального управления это означает, что социальные услуги должны быть встроены в систему локального раннего реагирования, а не подключаться только на стадии уже сформировавшейся социальной дезадаптации.

Официальные данные Министерства труда, социального обеспечения и миграции КР показывают, что по состоянию на 1 марта 2024 года 927 социальных работников обслуживали на дому 9 686 человек. В структуре получателей услуг на дому преобладали одинокие пожилые граждане - 3 664 человека, лица с инвалидностью - 2 108 человек, одинокие семейные пары - 273 пары, а также дети семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, - 3 641 ребенок. Эти показатели свидетельствуют о высокой социальной значимости надомного обслуживания, но одновременно указывают на его ограниченный охват в сопоставлении с общим масштабом нуждаемости [12].

Наиболее острым ограничением остается территориальная доступность социальных услуг. По официальной информации министерства, на 70% территории республики у нуждающихся граждан отсутствует физический доступ к полустационарным социальным услугам. Более того, ведомство оценивает общую потребность в социальных услугах в диапазоне от 100 до 400 тыс. человек и признает, что точная система учета потребностей не выстроена. Это означает, что социальная политика в сервисной части до сих пор функционирует в условиях неполной информационной определенности [7].

В то же время нельзя игнорировать процессы цифровизации. Министерство сообщает, что 21 услуга по линии ведомства уже доступна в электронном формате на государственном портале электронных услуг. Кроме того, на официальном сайте министерства размещены портал социальных услуг, реестр реабилитационных услуг для лиц с инвалидностью, база данных организаций, работающих в сфере услуг, а также разделы, связанные с получателями пособий. Следовательно, институциональные элементы цифрового перехода уже существуют, однако их нельзя считать завершенной системой, поскольку сами органы управления признают отсутствие целостного учета нуждаемости [8-11].

Таблица 5. Показатели доступности социальных услуг и цифровизации

Показатель	Значение
Социальные работники, оказывающие помощь на дому (1.03.2024)	927 чел.
Получатели помощи на дому (1.03.2024)	9 686 чел.
Одинокие пожилые граждане среди получателей	3 664 чел.
Лица с инвалидностью среди получателей	2 108 чел.
Дети из семей в трудной жизненной ситуации среди получателей	3 641 ребенок
Доля территории страны без физического доступа к полустационарным услугам	70%
Оценочная потребность в социальных услугах	100-400 тыс. чел.
Электронные услуги по линии министерства	21 услуга
Наличие портала социальных услуг и реестра реабилитационных услуг	да

Источник: составлено автором по официальным данным Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики [7-12].

С научной точки зрения здесь прослеживается противоречие: цифровизация развивается быстрее, чем территориальная инфраструктура социальных услуг. Формально это означает наличие электронных каналов обращения и ряда цифровых реестров. Фактически же

значительная часть населения, особенно в сельских и отдаленных районах, остается вне досягаемости полустационарных и комплексных услуг. Следовательно, цифровая трансформация сектора без расширения локальной сервисной сети не способна устранить структурное неравенство доступа.

Финансовые показатели демонстрируют, что государство последовательно наращивает расходы на социальную сферу. Согласно Национальной программе развития Кыргызской Республики до 2030 года, расходы на социальный сектор в 2024 году по сравнению с 2021 годом выросли в 1,7 раза - с 105,6 млрд сомов до 178,5 млрд сомов. По данным Министерства финансов, если в 2021 году на социальную защиту населения выделялось 35,8 млрд сомов, то в 2024 году на эти цели было предусмотрено 62,7 млрд сомов. Это подтверждает, что социальная сфера остается приоритетной в бюджетной политике [13; 14].

Однако увеличение расходов само по себе еще не означает пропорционального роста доступности и качества социальных услуг. На фоне заметного бюджетного роста сохраняются три системные проблемы: неполный учет нуждаемости, высокая территориальная недоступность услуг и проектная неустойчивость части сервисов, закупаемых у негосударственных поставщиков. Следовательно, в центре дальнейшей реформы должен стоять не только вопрос объема финансирования, но и вопрос его институционального преобразования в устойчивые услуги с измеримым социальным эффектом.

Ключевые вызовы развития системы социальных услуг. Наиболее острым вызовом выступает территориальная недоступность услуг. Министерство труда указывает, что на 70% территории Кыргызской Республики у нуждающихся граждан - детей и семей в трудной жизненной ситуации, детей и взрослых с инвалидностью, а также пожилых людей - отсутствует физический доступ к полустационарным социальным услугам. Одновременно ведомство оценивает общую потребность в социальных услугах в диапазоне от 100 до 400 тыс. человек, признавая отсутствие точной системы учета потребностей. Это означает, что управленческие решения принимаются в условиях неполной информационной базы, а значит - с риском недоохвата, ошибочной приоритизации и территориального перекоса [7].

Второй системный вызов связан с неустойчивостью сервисной модели. По данным министерства, значительная часть услуг закупается у неправительственных организаций в рамках государственного социального заказа, однако после завершения проектного финансирования соответствующие центры нередко закрываются. Следовательно, фактический доступ граждан к услугам может зависеть не от устойчивой гарантии государства, а от временного наличия грантового или контрактного ресурса. В институциональном плане это означает, что государство пока не полностью перешло от финансирования отдельных проектов к финансированию устойчивой сети услуг с прогнозируемым жизненным циклом [7].

Третья проблема - дисбаланс между денежной поддержкой и сервисной поддержкой. Официальная статистика фиксирует значительный массив получателей пособий и социальных выплат, однако масштаб контингента нуждающихся в услугах, данные о детях без попечения родителей, лицах с инвалидностью и пожилых гражданах показывают, что денежная выплата не может заменить сопровождение, реабилитацию, дневную занятость, домашний уход, психологическую помощь, раннее вмешательство и социальное консультирование [2; 4; 6].

Четвертый вызов касается цифровой и организационной фрагментации. С одной стороны, министерство сообщает, что 21 услуга по линии ведомства уже доступна в электронном формате на государственном портале электронных услуг. На сайте министерства представлены портал социальных услуг, реестр реабилитационных услуг и база данных организаций, работающих в сфере услуг. С другой стороны, то же ведомство признает отсутствие выстроенной системы учета потребностей в социальных услугах. Из сопоставления этих фактов следует, что цифровизация пока охватывает преимущественно отдельные процедуры и каналы обращения, но еще не трансформировалась в единую систему управления случаем, межведомственного обмена данными и оценки результатов социальных вмешательств [7-11].

Пятый вызов связан с местным уровнем управления. Социальные риски проявляются в конкретных домохозяйствах, айыл аймаках, микрорайонах и населенных пунктах, тогда как реагирование на них требует координации районной администрации, органов местного самоуправления, школ, организаций здравоохранения, социальной защиты и, при необходимости, неправительственного сектора. Официальный сайт Государственной администрации Кадамжайского района включает блоки муниципальных услуг и обращений граждан, что подтверждает значимость районного уровня как точки входа населения в систему публичных услуг [15].

Обсуждение. В условиях обозначенных проблем первоочередной мерой должна стать переориентация системы на учет реальной потребности, а не только уже оформленного статуса получателя. Для этого необходим единый цифровой реестр социальных потребностей, интегрированный с государственными информационными системами и территориальными подразделениями министерства. Такой реестр должен фиксировать не только факт обращения, но и тип нуждаемости: уход, сопровождение семьи, реабилитация, временное размещение, психологическая помощь, социально-правовое консультирование, раннее вмешательство. Наличие электронных сервисов и портала социальных услуг показывает, что технологическая база для этого в стране уже частично формируется.

Развитие общинных и полустационарных форм обслуживания должно стать следующим направлением оптимизации. Если на 70% территории нет физического доступа к полустационарным услугам, то расширение сети только стационарных учреждений не решит проблему. Более рациональной представляется модель, основанная на дневных центрах, мобильных бригадах, услугах на дому, краткосрочной передышке для семей, воспитывающих детей с инвалидностью, а также районных службах сопровождения пожилых граждан и семей в кризисе. Такая модель снижает издержки институционализации и лучше соответствует задачам местного государственного управления.

Практическое значение имеет укрепление районного и муниципального контуров координации. Районный уровень наиболее чувствителен к реальным запросам населения и способен выступать связующим звеном между республиканской политикой и конкретной семьей. В этой связи целесообразно закрепить за районными администрациями и органами местного самоуправления функции по формированию социальных паспортов территории, межведомственной маршрутизации случая, мониторингу уязвимых домохозяйств и оценке доступности услуг на подведомственной территории.

Обеспечение устойчивого финансирования социальных услуг также имеет принципиальное значение. Признание министерством проектной неустойчивости части услуг означает необходимость перехода к многолетнему контрактному, нормативному финансированию базового пакета услуг и введению результативных индикаторов для государственных и негосударственных поставщиков. В противном случае система продолжит воспроизводить зависимость от краткосрочных проектов, а не от долгосрочных социальных гарантий. Поскольку расходы на социальный сектор уже выросли с 105,6 до 178,5 млрд сомов, вопрос состоит не только в объеме ресурсов, но и в механизме их использования.

Кадровая модернизация должна охватывать не только увеличение численности социальных работников, но и развитие их компетенций в области кейс-менеджмента, социальной диагностики, работы с семьей, межведомственного сопровождения и цифровых систем учета. Наличие 927 социальных работников на дому при значительном масштабе потребности указывает на необходимость профессионального усиления этой службы. Эффективность социальной услуги определяется не формальным фактом ее наличия, а качеством профессионального взаимодействия между специалистом и получателем помощи.

Заключение. Развитие системы социальных услуг в Кыргызской Республике находится на этапе, когда дальнейшее продвижение невозможно обеспечить только расширением перечня льгот и пособий. Несмотря на наличие закона, профильного министерства, программ поддержки семьи и лиц с инвалидностью, элементов цифровизации и роста государственных расходов на социальный сектор, сохраняются фундаментальные ограничения: неравномерная территориальная доступность услуг, отсутствие полноценного учета потребностей, кадровая ограниченность, нестабильность проектно-финансируемых сервисов и недостаточная согласованность действий между уровнями публичного управления.

Для Кыргызской Республики оптимизация социальной сферы должна означать переход к сервисной модели нового типа - адресной, профилактической, межведомственной, цифрово поддержанной и максимально приближенной к месту проживания гражданина. В прикладном измерении это предполагает расширение полустационарных и домашних форм помощи, создание единого реестра потребностей, укрепление районного уровня координации, повышение устойчивости финансирования и профессионализацию кадрового состава. Именно такой подход позволит превратить социальные услуги из вспомогательного элемента социальной защиты в один из ключевых инструментов современного государственного и муниципального управления.

Список литературы

1. Закон Кыргызской Республики от 19 декабря 2001 года № 111 «Об основах социального обслуживания населения в Кыргызской Республике» [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/943/edition/109755/ru> (дата обращения: 30.03.2026).
2. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Кыргызстан [Электронный ресурс]. - Бишкек, 2024. URL:

- <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/7ccfac98-9e97-46ce-b13c-b015014c207b.pdf> (дата обращения: 30.03.2026).
3. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. В 2024 году в Кыргызской Республике отмечено снижение уровня бедности [Электронный ресурс]. - 13 июня 2025 г. URL: <https://stat.gov.kg/ru/news/v-2024-godu-v-kyrgyzskoj-respublike-otmecheno-snizhenie-urovenya-bednosti/> (дата обращения: 30.03.2026).
 4. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Международный день защиты детей: цифры и факты [Электронный ресурс]. - 31 мая 2024 г. URL: <https://stat.gov.kg/ru/news/Den-zashity-detej-cifry/> (дата обращения: 30.03.2026).
 5. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Уровень жизни населения Кыргызской Республики 2020-2024 [Электронный ресурс]. - Бишкек, 2025. - 140 с. URL: <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/8341dddd-9a35-459a-b7ae-6c5b68862447.pdf> (дата обращения: 30.03.2026).
 6. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Аналитический обзор по вопросам инвалидности на основе результатов переписи населения и жилищного фонда Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. - 21 февраля 2025 г. URL: <https://stat.gov.kg/ru/publications/analiticheskij-obzor-po-voprosam-invalidnosti-na-osnove-rezultatov-perepisi-naseleniya-i-zhilishnogo-fonda-kyrgyzskoj-respubiki/> (дата обращения: 30.03.2026).
 7. Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики. Часто задаваемые вопросы [Электронный ресурс]. URL: <https://mlsp.gov.kg/ru/chasto-zadavaemye-voprosy/> (дата обращения: 30.03.2026).
 8. Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики. Минтруд: 21 услуга доступна в электронном формате [Электронный ресурс]. - 14 февраля 2024 г. URL: <https://mlsp.gov.kg/ru/2024/02/14/mintrud-21-usluga-dostupna-v-elektronnom-formate/> (дата обращения: 30.03.2026).
 9. Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики. Электронные услуги [Электронный ресурс]. URL: <https://mlsp.gov.kg/ru/elektronnye-uslugi/> (дата обращения: 30.03.2026).
 10. Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики. Реестр реабилитационных услуг, предоставляемых ЛОВЗ в КР [Электронный ресурс]. URL: <https://mlsp.gov.kg/ru/reestr-reabilitatsionnyh-uslug-predostavlyaemyh-lovz-v-kr/> (дата обращения: 30.03.2026).
 11. Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики. База данных ЛОВЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://mlsp.gov.kg/ru/baza-dannyh-lovz/> (дата обращения: 30.03.2026).
 12. Портал открытых данных Кыргызской Республики. Сведения о численности социальных работников и качественном составе работников, оказывающих социальные услуги на дому [Электронный ресурс]. URL: <https://data.infocom.kg/dataset/19117167-d610-49e5-a170-33b73a18bcb6/resource/9071c251-4b3d-49af-80e7-b1f8f0843d50/download/-01.03.2024.xlsx> (дата обращения: 30.03.2026).
 13. Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/53-383/edition/32963/ru> (дата обращения: 30.03.2026).

14. В 2024 году на социальные выплаты предусмотрено 62,7 млрд сомов - Минфин [Электронный ресурс] // Кабар. - 11 марта 2024 г. URL: <https://kabar.kg/news/v-2024-godu-na-sotcial-nye-vyplaty-predusmotreno-62-7-mlrd-somov-minfin/> (дата обращения: 30.03.2026).
15. Государственная администрация Кадамжайского района. Муниципальные услуги [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kadamjay.gov.kg/ru/municipaldyk-kyzmattar/> (дата обращения: 30.03.2026).
16. Шукурбек Кызы, Г. Рынок шартында социалдык камсыздандыруунун көйгөйлөр/ (Ош облусунун мисалында) / Г. Шукурбек Кызы // Вестник Ошского государственного университета. – 2021. – Vol. 2, No. 1. – P. 134-141. – DOI 10.52754/16947452_2021_2_1_131. – EDN AEKARD.

Евразия изилдөөлөрү ачык журналы, 2026, №4, бб. 173-185

doi: 10.65469/eijournal.2026.4.20

eijournal.ilimbilim.kg

ЭКОНОМИКА / ECONOMICS

УДК 364.4:351.84(575.2)

Кыргыз Республикасында социалдык кызматтар системасын өнүктүрүү: чакырыктар жана оптималдаштыруу жолдору

Ташболотова Салтанат Абдыракмановна

т.и.к., доцент, Ош мамлекеттик университети, Кыргызстан, stashbolotova@oshsu.kg

Муратбекова Айбийке Муратбековна

магистрант, Ош мамлекеттик университети, Кыргызстан, keykafashion2103@gmail.com

Мамирова Севара Муктаровна

студент, Ош мамлекеттик университети, Кыргызстан, sevara.mamirova@icloud.com

Аннотация

Макалада Кыргыз Республикасында социалдык кызматтар системасын өнүктүрүүнүн учурдагы абалы, институционалдык чектөөлөрү жана оптималдаштыруу багыттары каралат. Изилдөөнүн актуалдуулугу мыйзамдык база, мамлекеттик программалар, электрондук кызматтар жана социалдык секторго бөлүнгөн каражаттар көбөйгөнүнө карабастан, аймактык жеткиликтүүлүк, кадрдык камсыздоо, уюштуруу жана маалыматтык эсепке алуу маселелери толук чечилбей жаткандыгы менен байланыштуу. Макаланын максаты социалдык кызматтар системасындагы негизги көйгөйлөрдү баалоо жана аларды жакшыртуу боюнча практикалык чараларды аныктоо болуп саналат. Методологиялык негиз катары ченемдик укуктук актылар, расмий статистика, программалык документтер жана мамлекеттик органдардын материалдары талданды. Натыйжада социалдык кызматтарга болгон суроо-талап массалык мүнөзгө ээ экендиги, ал эми кызмат көрсөтүү инфраструктурасы аймактар боюнча бирдей өнүкпөгөнү аныкталды. Бирдиктүү санариптик реестрди түзүү, райондук координацияны күчөтүү, туруктуу каржылоо жана үй-бүлөгө багытталган кызматтарды кеңейтүү зарылдыгы негизделди.

Ачкыч сөздөр: социалдык кызматтар, социалдык коргоо, жергиликтүү өз алдынча башкаруу, санариптештирүү, аялуу топтор, Кыргыз Республикасы

Open Journal of Eurasian Issues, 2026, no. 4, pp. 173-185

doi: 10.65469/eijournal.2026.4.20

eijournal.ilimbilim.kg

ЭКОНОМИКА / ECONOMICS

УДК 364.4:351.84(575.2)

Development of the Social Services System in the Kyrgyz Republic: Challenges and Ways of Optimization

Saltanat Abdyrakmanovna Tashbolotova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Osh State University, Kyrgyzstan, stashbolotova@oshsu.kg

Aibiike Muratbekovna Muratbekova

Master's Student, Osh State University, Kyrgyzstan, keykafashion2103@gmail.com

Sevara Muktarovna Mamirova

Student, Osh State University, Kyrgyzstan, sevara.mamirova@icloud.com

Abstract

The article examines the development of the social services system in the Kyrgyz Republic, its current state, institutional limitations and areas of optimization. The relevance of the study is determined by the fact that, despite the legal framework, state programmes, electronic services and growing budget expenditures, territorial, staffing, organizational and information imbalances remain. The purpose of the article is to assess the key problems of the social services system and identify practical measures for its improvement. The methodology is based on the analysis of legal acts, official statistics, programme documents and materials of state bodies. The results show that demand for social services is large-scale, while service infrastructure remains uneven across territories. The article substantiates the need for a unified digital registry of needs, stronger district coordination, stable financing and the expansion of community-based, family-oriented and home-based forms of support.

Keywords: social services, social protection, local self-government, digitalization, vulnerable groups, Kyrgyz Republic